Н. Суворовъ.

КЪ ВОПРОСУ
О
РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

(Разборъ сочиненія С. В. Познышева: «Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы»).

ВУ
741

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1908.

547
36

Познышевъ С. В. Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы.

Къ реформѣ нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ. Москва, 1906 г.

Задачи, которыя поставилъ себѣ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, состоятъ въ томъ, чтобы 1) установить общій принципъ, который опредѣлилъ бы, допустима ли, и если допустима, то въ какомъ объемѣ, охрана религіи посредствомъ уголовныхъ каръ, — тѣмъ самымъ должны опредѣлиться въ общихъ чертахъ тѣ дѣянія, которыя должны считаться религіозными преступленіями,—2) изслѣдовать юридическую природу религіозныхъ преступленій, съ опредѣленіемъ относящихся къ данной группѣ видовъ и съ анализомъ каждаго изъ этихъ видовъ,—3) освѣтить установленными въ изслѣдованіи принципами наше дѣйствующее право и выработать систему идеальныхъ нормъ, которыя, въ качествѣ проекта, авторъ могъ бы предложить отечественному законодателю. Ограничиться установленіемъ отвлеченныхъ началъ, не примѣняя ихъ къ условіямъ современной русской жизни, значило бы, по мнѣнію автора, не довести своей работы до конца. Выработка отвѣчающихъ наличнымъ общественнымъ условіямъ идеальныхъ уголовно-правовыхъ нормъ не представляетъ, говоритъ авторъ, задачи, выходящей за предѣлы науки, а есть естественное продолженіе ея построенія, необходимое завершеніе воздвигаемаго ею идеальнаго зданія, то заключительное слово, съ которымъ наука обращается къ жизни, и безъ котораго ея построенія были бы лишены должной законченности и полноты (стр. 4—5).

Допустимъ, что послѣднее вѣрно, но весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли твердо установлены «идеальныя уголовно-правовыя нормы», о которыхъ говорится въ изслѣдованіи, и дѣйствительно ли онѣ «отвѣчаютъ наличнымъ общественнымъ условіямъ».

Принципъ религіозной свободы, какъ признается это и самимъ авторомъ, есть принципъ сложный и до сихъ поръ еще, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части—спорный (стр. 3); въ пониманіи и обоснованіи этого принципа возможны и дѣйствительно существуютъ большія различія, такого выраженія и обоснованія его, которыя могли бы уже считаться окончательно установленными и общепризнанными, не существуетъ (стр. 2). Но сложность и спорность не мѣшаютъ автору смѣло возводить свое построеніе, не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями, ни историческими, ни практическими, такъ что приходится иногда съ удивленіемъ, отчасти даже съ смущеніемъ, слѣдить за смѣлымъ полетомъ его мысли. Не ограничиваясь даже криминалистическими, такъ сказать, рамками вопроса о религіозной свободѣ, онъ вступаетъ въ область государствовѣдѣнія и политики, разсуждаетъ о цѣли государства (стр. 12) и о конечной цѣли нравственности (стр. 14), о томъ, какъ пріобрѣтаются корпоративныя права (стр. 169—170), о равной для всѣхъ вѣрованій публичности культа (стр. 125—126), о необходимости отмѣны 40 и слѣдующихъ статей (по изд. 1906 г. 62—65 ст.) русскихъ основныхъ законовъ, на томъ основаніи, что въ этихъ статьяхъ содержатся элементы полицейской опеки государства надъ религіозною жизнію народа (стр. 296—297). Но вѣдь вопросъ о религіозной свободѣ, или о свободѣ совѣсти, слишкомъ многостороненъ, въ него входитъ, или въ немъ содержится и вопросъ о крещеніи дѣтей, и вопросъ о благословеніи и расторженіи браковъ, и вопросъ о школьномъ обученіи, и вопросъ о замѣщеніи должностей и т. д. Если выступить изъ рамокъ криминалиста, можно и совсѣмъ потеряться въ массѣ вопросовъ, обнимаемыхъ принципомъ свободы совѣсти. Это не значитъ, что криминалисту воспрещается всякое вторженіе въ смежныя съ уголовнымъ правомъ области въ видахъ болѣе широкаго освѣщенія того или другого вопроса уголовнаго права, а значитъ только, что ставшій на этотъ широкій путь криминалистъ принимаетъ на себя нелегкую отвѣтственность по выполненію своей трудной задачи. Впрочемъ, надо отдать справедливость проф. Познышеву: онъ старается формулировать свое понятіе о свободѣ совѣсти такъ, чтобы оно было и не слишкомъ узко, и не слишкомъ широко. На стр. 95—96 онъ констатируетъ существованіе двухъ взглядовъ. По одному изъ этихъ взглядовъ, подъ свободою совѣсти разумѣется лишь свобода внутренняго религіознаго убѣжденія, свобода вѣры въ тѣсномъ смыслѣ

этого слова, при чемъ, рядомъ съ этимъ узкимъ понятіемъ, ставится другое—понятіе свободы исповѣданія. По другому взгляду, подъ свободою совѣсти разумѣется «свобода отъ всякаго принужденія къ религіознымъ дѣйствіямъ, которыя человѣкъ порицаетъ по религіознымъ основаніямъ, и свобода жить по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, пока послѣднія не выражаются во внѣ въ какихъ либо дѣяніяхъ». С. В. Познышевъ первое понятіе находитъ слишкомъ узкимъ, второе слишкомъ широкимъ, но самъ устанавливаетъ такое понятіе, которое едва ли не шире даже и того, которое онъ считаетъ слишкомъ широкимъ. По его мнѣнію, религіозная свобода есть не что иное, какъ свободное проявленіе въ государствѣ религіозныхъ міросозерцаній, а проявляться религіозное міросозерцаніе можетъ, 1) какъ ученіе въ изустномъ, письменномъ или печатномъ изложеніи, въ сочиненіяхъ, рѣчахъ, проповѣдяхъ и т. д., 2) какъ культъ въ извѣстныхъ актахъ почитанія Божества, въ молитвахъ, 3) какъ основанный на извѣстномъ религіозномъ ученіи религіозный союзъ, партія, церковь, 4) какъ реализирующееся этическое ученіе, какъ извѣстный порядокъ или образъ жизни. Причисляя сюда еще свободу внутренняго религіознаго убѣжденія, которая, такъ сказать, сама собою разумѣется, мы получаемъ слѣдующіе элементы религіозной свободы: 1) свободу присоединяться къ той церкви или религіозной партіи, вѣрованія которой кажутся субъекту истинными, выходить изъ этой церкви или партіи, какъ скоро ея вѣрованія утратили свою обаятельность для даннаго субъекта, и вовсе не принадлежать ни къ какой церкви или религіозной партіи, 2) свободу распространять свое религіозное міросозерцаніе и привлекать къ своей вѣрѣ другихъ людей, 3) свободу культа), 4) свободу образованія религіозныхъ обществъ, 5) свободу проводить въ жизнь нравственное ученіе исповѣдуемой религіи (стр. 93—96).

Понятіемъ религіозной свободы предрѣшается вопросъ о религіозныхъ преступленіяхъ. Самый терминъ «религіозныя преступленія» авторъ находитъ неточнымъ: правильнѣе, по его мнѣнію, называть эти преступленія преступленіями противъ религіозвой свободы» (стр. 178). Объектомъ этихъ преступленій является не какая-либо церковь и не религіозное чувство, а религіозная свобода, и притомъ не религіозная свобода отдѣльныхъ лицъ, а религіозная свобода въ смыслѣ извѣстнаго общественнаго состоянія (стр. 142—143), при которомъ проявленіе религіознаго міросозерцанія каждаго въ равной мѣрѣ пользуется независимостью отъ какого-либо стѣс-

няющаго его принужденія (стр. 177). Государство должно поддерживать тѣ блага, которыя уже достигнуты въ жизни народа, и облегчать достиженіе все большихъ и большихъ благъ, слѣдовательно содѣйствовать прогрессу (см. стр. 12 и др.). Религіозная свобода, въ смыслѣ общественнаго состоянія, вовсе не есть идея религіознаго мира, а напротивъ идея неустанной борьбы, но борьбы исключительно духовными средствами и въ извѣстныхъ границахъ (указываемыхъ авторомъ). Вотъ это самое состояніе духовной борьбы, въ результатѣ которой получается прогрессъ, и есть тотъ объектъ, который присущъ т. н. религіознымъ преступленіямъ (стр. 142). Съ этой точки зрѣнія авторъ находитъ возможными религіозныя преступленія противъ атеистовъ и вдается иногда въ рискованныя разсужденія о томъ, что тѣ, которые считаютъ религію одною изъ основъ государства, заблуждаются, и что вполнѣ возможно представить себѣ такое государство, большинство населенія котораго состояло бы изъ атеистовъ (стр. 137—138 и ср. 225). Убѣдительнаго историческаго примѣра, которымъ указывалось бы существованіе подобнаго государства въ прошломъ, мы не знаемъ, а если бы подобное государство оказалось возможнымъ, то мы не могли бы сказать навѣрное, насколько прочнымъ было бы существованіе атеистическаго государства, и не явилось ли бы оно разительнымъ доказательствомъ того, что безъ религіи государство существовать не можетъ. Но въ этомъ, какъ и въ другихъ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ автора, главное состоитъ, какъ кажется, въ томъ, что на религію онъ смотритъ только какъ на извѣстное міровоззрѣніе или міропониманіе, отъ какового взгляда и самъ онъ, какъ мы увидимъ, вынужденъ былъ отступить.

Духовное развитіе личности, говоритъ авторъ, требуетъ свободы проявленія творческихъ силъ духа, свободной борьбы и критики идей. Разумъ развивается посредствомъ напряженнаго исканія истины и критическими работами надъ представляющимися ему точками зрѣніями. Каждое міровоззрѣніе есть достояніе всего человѣчества и имѣетъ право на уваженіе настолько, чтобы погибнуть лишь естественною смертію, лишь когда обнаружилось, что оно не представляетъ собою никакой дѣйствительной духовной цѣнности. Чѣмъ свободнѣе высказываются и критикуются разныя воззрѣнія, тѣмъ труднѣе устоять заблужденію, тѣмъ полнѣе и легче выясняются истины, тѣмъ болѣе оказывается у каждой личности точекъ зрѣнія, въ которыхъ надо разобраться, тѣмъ болѣе

возбуждается критическая работа духа, тѣмъ энергичнѣе идетъ духовное развитіе (стр. 21). Въ дополненіе къ этому, въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что религія есть особая форма мышленія о мірѣ и положеніи въ немъ человѣка, особая форма міропониманія, и подобно тому, какъ государство предоставляетъ полную свободу высказывать всѣ другія міросозерцанія, метафизическія системы, позитивизмъ, разныя скептическія ученія, и т. д. оно должно предоставить такую же свободу высказывать и религіозныя воззрѣнія. Для иного отношенія автору не представляется рѣшительно никакихъ основаній. Религія притомъ же, будучи особою формою міропониманія, есть форма духовной культуры личности, способная развиваться посредствомъ критической работы духа, а эта возбуждается всего легче и сильнѣе при свободной борьбѣ мнѣній (стр. 103—104). Автору нельзя отказать въ послѣдовательности, если онъ, стоя на этой точкѣ зрѣнія, неуважительное отношеніе къ атеисту и атеизму причисляетъ къ преступленіямъ противъ религіозной свободы, или иначе, къ религіознымъ преступленіямъ. Между тѣмъ, самъ же онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о религіи нѣчто другое, характеризуетъ ее такими чертами, которыя выдѣляютъ ее изъ ряда всякихъ другихъ «міропониманій». Религія, говоритъ авторъ на стр. 167, устанавливаетъ живую связь между человѣкомъ и высшею Волею, создаетъ въ душѣ вѣрующаго особое настроеніе, при которомъ человѣкъ главную цѣну своей жизни полагаетъ въ служеніи Божеству. Поэтому религіозными преступленіями могутъ считаться только такія посягательства, которыя тѣсно связаны съ самымъ существомъ религіи, съ тѣми отношеніями, которыя эта религія устанавливаетъ между человѣкомъ и Богомъ, при чемъ у вѣрующихъ съ этими дѣйствіями (отношеніями?) соединяется или въ нихъ выражается чувство благоговѣнія... (стр. 179). Атеизмъ едва ли можно отнести къ числу такихъ религіозныхъ міровоззрѣній, о которыхъ сейчасъ сказано. Затѣмъ, говоря о свободной борьбѣ, религіозной борьбѣ, содѣйствующей прогрессу, и смотря на религію, какъ на особую форму духовной культуры личности, авторъ упускаетъ изъ вниманія такія религіозныя ученія, которыя сами предпочитаютъ укрываться, вмѣсто того, чтобы выступать открыто и бороться силою духовнаго оружія. Наше, небогатое культурою, отечество можетъ доставить намъ въ этомъ отношеніи обильный матеріалъ. Вспомнимъ, съ одной стороны, нашихъ хлыстовъ и скопцовъ, съ другой стороны, такія секты, какъ дыромоляевъ,

іоаннитовъ и т. п. Допустимъ, что и изувѣрныя, и просто безнравственныя ученія, какъ таковыя, не должны быть наказываемы, какъ желаетъ этого г. Познышевъ (стр. 272 и 289); но онъ, выходя изъ своего понятія о религіозной свободѣ и о религіозныхъ преступленіяхъ, желаетъ большаго: требуетъ равной свободы для всякихъ ученій и сектъ, между прочимъ и въ отношеніи къ образованію обществъ (стр. 94—96, 133, 294—296).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ слабымъ пунктомъ въ построеніи г. Познышева. На стр. 131 онъ заявляетъ, что имъ сознательно устраненъ изъ его изложенія весьма важный и сложный вопросъ объ отношеніи государства къ церкви, но въ то же время полагаетъ, что «государство должно руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ церкви идеей отдѣленія послѣдней и въ каждую данную эпоху осуществлять эту идею, поскольку при наличныхъ условіяхъ это возможно.. Авторъ даже увѣренъ, что въ настоящее время «всѣ современныя культурныя государства могутъ уже отказаться и, какъ показываетъ наблюденіе, почти всѣ уже отказались отъ прежней полицейской опеки надъ религіозною жизнію гражданъ». И дѣйствительно во всей книгѣ г. Познышева просвѣчиваетъ эта идея отдѣленія церкви отъ государства, и всѣ положенія автора представляются выводами изъ нея, за единственнымъ исключеніемъ, въ которомъ онъ оказался непослѣдовательнымъ. Именно на стр. 202, говоря о наказаніяхъ, пригодныхъ и примѣнимыхъ къ виновнымъ въ посягательствахъ на религіозную свободу, онъ говоритъ, что для духовныхъ лицъ (виновныхъ въ таковыхъ посягательствахъ) въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма полезнымъ можетъ быть присоединеніе къ лишенію свободы лишенія на извѣстный срокъ права занимать ихъ настоящую или болѣе высокую духовную должность. Но подобное вторженіе государства во внутреннія дѣла отдѣленной отъ него церкви ни теоретически не могло бы быть оправдано, ни практически не могло бы быть осуществлено, а скорѣе можно ожидать, что церковнодолжностное лицо за доказанное имъ усердіе въ борьбѣ съ другими вѣрованіями, будетъ награждено возведеніемъ въ высшую должность. Государство не будетъ имѣть ни права, ни возможности помѣшать этому.

Забудемъ, однако, объ этой непослѣдовательности и будемъ помнить, что проф. Познышевъ стоитъ за отдѣленіе церкви отъ государства (не вдаваясь, однако, ни въ какія общія разсужденія относительно сущности этой системы отношеній между государствомъ и цер-

ковью) и противопоставляетъ эту систему полицейской опекѣ полицейскаго государства. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и система полицейскаго государства не выяснена авторомъ, хотя государство, которое принято у насъ теперь называть «полицейскимъ», въ техническомъ смыслѣ, какъ продуктъ «вѣка просвѣщенія», по цѣли своей, близко сходилось съ тѣми задачами, которыя ставитъ для государства г. Познышевъ. Оно такъ же стремилось къ всеобщему благополучію, какъ и государство у г. Познышева, прогрессивно шествующее по пути, ведущему къ наибольшему благосостоянію. Отъ невыясненности понятія полицейскаго государства произошло то, что авторъ оказался неустойчивъ въ употребленіи термина: полицейскій. Въ началѣ первой главы своего изслѣдованія онъ различаетъ два типа уголовной охраны религіи, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ исторія и дѣйствительность. Первый типъ состоитъ въ томъ, что государство старается карательными мѣрами поддержать и охранить распространеніе извѣстной религіи въ народѣ, насильственно устраняя въ то же время отъ господства, или стараясь вовсе искоренить другія религіозныя ученія. Второй типъ состоитъ въ томъ, что государство наказываетъ лишь оскорбительныя насильственныя дѣйствія, поражающія религіозную свободу, вовсе не стараясь наказаніями поддержать или, напротивъ, подавить распространеніе какой либо религіи, при чемъ оттѣнки такой охраны могутъ быть различны: всѣ религіи могутъ быть охраняемы одинаково, или, наоборотъ, одной или нѣсколькимъ изъ нихъ можетъ быть оказано предпочтеніе, и дана особенно энергичная охрана, нѣкоторыя же могутъ быть вовсе лишены охраны и т. д. (стр. 34—35) Въ настоящее время, говоритъ авторъ, въ западно-европейскихъ государствахъ господствуетъ второй типъ уголовной охраны религіи (стр. 86), хотя и тамъ онъ не получилъ полнаго и законченнаго развитія, напр. въ Германіи дается уголовная охрана отъ поношенія лишь христіанскимъ церквамъ и тѣмъ религіознымъ обществамъ, которыя пользуются въ Германіи корпоративными правами (стр. 88). Въ виду того, что не во всѣхъ западныхъ государствахъ существуетъ исключительно второй типъ охраны религіи, а иногда примѣшиваются къ нему элементы охраны перваго типа, авторъ находитъ поэтому возможнымъ поставить рядомъ съ двумя отмѣченными типами еще третій—смѣшаннаго характера, представляющій собою извѣстное сочетаніе второго типа съ нѣкоторыми элементами перваго. Отсюда, по словамъ проф. Познышева, вытекаетъ, что во-

просъ о томъ, какова должна быть уголовная охрана религіи, сводится къ слѣдующему: должна ли эта охрана носить описанный выше *полицейскій характеръ*, или она должна, напротивъ, строиться исключительно *по второму изъ отмѣченныхъ типовъ*, или же она должна представлять собою извѣстное сочетаніе этихъ двухъ типовъ (стр. 92)? Изъ этихъ словъ, повидимому, можно бы было заключить, что «полицейскою» должна быть называема уголовная охрана перваго типа и отчасти третьяго, но не второго. Но изъ другихъ мѣстъ въ книгѣ проф. Познышева видно, что сущность полицейской охраны онъ видитъ въ «расцѣнкѣ» разныхъ религіозныхъ ученій по ихъ качествамъ или по ихъ достоинствамъ. Такъ о русскомъ законодательствѣ на стр. 217—218 говорится, что оно до сихъ поръ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія *полицейской опеки* надъ религіозною жизнью народа: оно расцѣниваетъ религіи по достоинствамъ и соотвѣтственно этому однѣ охраняетъ, а другія запрещаетъ, однѣ охраняетъ болѣе интенсивно и въ большемъ числѣ случаевъ, другія съ меньшей энергіей. На стр. 296—297 авторъ требуетъ отмѣны всѣхъ элементовъ полицейской опеки, заключающихся въ ст. 40 и сл. основныхъ законовъ (ст. 62 и сл. по изд. 1906 г.) о первенствующей и господствующей православной вѣрѣ восточнаго исповѣданія. На стр. 245 говорится: «Вопервыхъ, даваемая уложеніемъ (нашимъ) охрана крайне неравномѣрна, она слишкомъ мала для нехристіанскихъ исповѣданій и чрезмѣрна для нѣкоторыхъ покровительствуемыхъ христіанскихъ исповѣданій. Въ *этихъ постановленіяхъ сквозитъ полицейское отношеніе къ религіи*, при которомъ государство даетъ *расцѣнку* стоимости религій, однѣ признаетъ лучшими, другія худшими, менѣе спасительными, на третьи вовсе ставитъ штемпель съ указаніемъ ихъ негодности... ни одно изъ изложенныхъ нами выше западныхъ законадательствъ такого различія не знаетъ. Вовторыхъ, давая преимущественную охрану христіанскимъ исповѣданіямъ, уложеніе стремится даже ограничить сферу ея дѣйствія лишь покровительствуемыми церквами. Такимъ образомъ и въ охранѣ христіанскихъ исповѣданій можно подмѣтить *слѣды полицейскаго отношенія къ религіи, расцѣнки исповѣданій* на доброкачественныя и недоброкачественныя или менѣе доброкачественныя. Однимъ словомъ, повидимому, внѣ сомнѣній остается, что характерною чертою полицейской опеки въ глазахъ автора служитъ расцѣнка религій. Между тѣмъ, изъ книги самого же г. Познышева видно, что «расцѣнка» производится во всѣхъ законода-

тельствахъ, не исключая и тѣхъ, которыя отъ перваго типа уголовной защиты религіи перешли ко второму. Такъ въ *Англіи* до сихъ поръ считается преступленіемъ и влечетъ за собою строгое наказаніе отрицаніе истинности христіанской вѣры или авторитета Св. Писанія (стр. 88). Въ *Австріи* только за признанными закономъ церквами или религіозными ассоціяціями признается право отправлять богослуженіе сообща и публично; что же касается религіозныхъ исповѣданій, закономъ не признанныхъ, то послѣдователямъ ихъ разрѣшается отправлять богослуженіе въ частномъ домѣ, разъ это не противно законамъ и добрымъ правамъ; по австрійскому уложенію караются разныя дѣйствія, направленныя къ основанію или распространенію секты, признанной правительствомъ недозволенною, устройство собраній подобнаго общества, проповѣдываніе или опубликованіе этого ученія, привлеченіе новыхъ членовъ (стр. 89) Въ *Швейцаріи* воспрещается основывать новые монастыри и ордена, а въ *Граубюнденѣ* карается привлеченіе новыхъ членовъ и принадлежность къ сектѣ, опасной для общественнаго спокойствія или нравственности, а также основаніе подобной секты. Въ *Испаніи* воспрещено публичное осуществленіе какой либо религіи, кромѣ католической, тоже самое въ *Португаліи*, при чемъ совращеніе и отпаденіе отъ католицизма наказываются (стр. 90). Въ *Италіи* католическая религія является единственною государственною религіей, остальныя вѣроисповѣданія только терпимы (стр. 160), а изъ того, что говорится на стр. 159 о разныхъ преступленіяхъ противъ *допущенныхъ* въ государствѣ культовъ, слѣдуетъ заключить, что есть и культы *не допущенные*. Равнымъ образомъ въ *Венгріи* различаются *признанныя и непризнанныя* вѣроисповѣданія, съ чѣмъ сообразуется наказуемость разныхъ преступленій противъ религій (между прочимъ подлежитъ наказанію нарушеніе постановленій о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ стр. 163). *Германское* уложеніе различаетъ поношеніе и другія преступленія противъ христіанской церкви или другого религіознаго общества, пользующагося въ Германіи корпоративнымъ правомъ (стр. 64). Въ *норвежскомъ уложеніи различается дозволенное* въ королевствѣ исповѣданіе отъ *недозволеннаго*, упоминается о нарушеніи воскреснаго дня. То же различіе находимъ въ *голландскомъ* уложеніи (стр. 155). Даже во *Франціи* религіозныя конгрегаціи разрѣшаются только законодательнымъ порядкомъ, а ассоціяціи, противныя законамъ или *добрымъ нравамъ*, равно какъ поставившія себѣ

цѣлью нарушеніе цѣлости національной территоріи или разрушеніе республиканской формы правленія считаются ничтожными и не допускаются (стр. 158); но кто же не знаетъ, что подъ ассоціяціями французскій законъ 1901 г. разумѣлъ опять таки религіозныя конгрегаціи?

Такимъ образомъ расцѣнка и предпочтеніе однихъ вѣроисповѣданій другимъ производится вездѣ, даже и въ такихъ государствахъ, которыя давнымъ давно пережили стадію т. н. «полицейскаго государства» въ собственномъ смыслѣ. А не забудемъ притомъ, что западнымъ государствамъ не приходится имѣть дѣло съ такими сектантами, каковы напр. наши хлысты и скопцы. Допустимъ, что проф. Познышевъ правъ, говоря, что исходною точкою при рѣшеніи вопроса о религіозной свободѣ должно быть не Св. Писаніе, или какое либо религіозное ученіе, а лишь общія соображенія объ обязанностяхъ государства въ отношеніи составляющихъ его личностей (стр. 101), что жизнь и дѣятельность государства должны опредѣляться не съ точки зрѣнія нравственнаго совершенства, а съ точки зрѣнія существующихъ общественныхъ условій и наличныхъ жизненныхъ потребностей (стр. 103). Пусть авторъ будетъ правъ и тогда, когда онъ говоритъ, что нѣтъ основанія для выдѣленія скопцовъ изъ другихъ сектантовъ, и создавать для нихъ какія либо особыя постановленія (такъ какъ самоскопленіе, по мнѣнію автора, должно оставаться ненаказуемымъ, а оскопленіе другихъ должно обсуживаться, какъ весьма тяжкое поврежденіе (стр. 272). Допустимъ наконецъ, что и вообще изувѣрныя ученія, какъ ученія, не должны быть наказываемы, какъ этого желаетъ авторъ (стр. 289). Но вѣдь онъ въ своемъ изслѣдованіи, не довольствуясь точкою зрѣнія криминалиста на преступленіе и наказаніе отдѣльныхъ лицъ, требуетъ для всѣхъ религіозныхъ ученій (въ томъ числѣ и атеистическихъ) равной публичности культа, равной свободы въ образованіи обществъ, равнаго для всѣхъ права пропаганды, равнаго покровительственнаго отношенія со стороны государства, не допуская никакой «расцѣнки» и настаивая на исключеніи изъ основныхъ законовъ и изъ уложенія тѣхъ статей, въ которыхъ допускается расцѣнка—это, по мнѣнію автора, выраженіе полицейской опеки государства надъ религіозною жизнію народа. Не дѣло *уголовнаго* законодателя устанавливать ранги между различными вѣроученіями, говоритъ г. Познышевъ. Но и не дѣло *криминалиста* брать на себя одного, скажемъ мы г. Познышеву, рѣшеніе вопроса

о равенствѣ всѣхъ религіозныхъ ученій въ глазахъ государства въ отношеніи къ публичности, къ образованію обществъ и т. д. Предметъ этотъ слишкомъ сложенъ и долженъ быть обсуживаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ точка зрѣнія криминалиста можетъ быть лишь одною изъ возможныхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Любопытно, что въ самомъ изслѣдованіи г. Познышева встрѣчаются разсужденія, не совсѣмъ согласующіяся съ его требованіемъ абсолютнаго равенства для всѣхъ вѣроученій, не исключая и изувѣрныхъ. Напр. на стр. 18 онъ разсуждаетъ, что не всякій интересъ имѣетъ равную цѣнность для государства. Какъ скоро, говоритъ онъ, интересъ одной группы гражданъ, благодаря наличнымъ условіямъ, приходитъ въ непримиримое столкновеніе съ болѣе важнымъ интересомъ другихъ гражданъ и грозитъ лишить послѣдній удовлетворенія, то государство должно взять подъ свою защиту этотъ болѣе важный интересъ. Важность же интересовъ должна быть опредѣляема не по ихъ сравнительному значенію для ихъ субъектовъ, которое безконечно разнообразно и не можетъ быть сколько нибудь точно опредѣлено, а по тому вліянію, какое обѣщаетъ произвесть ихъ удовлетвореніе на строеніе и состояніе государства въ его цѣломъ, по тому, обѣщаетъ ли оно содѣйствовать или противодѣйствовать прогрессу государства, болѣе важнымъ долженъ быть признанъ тотъ интересъ, удовлетвореніе котораго болѣе содѣйствуетъ прогрессу государства, дѣлая всѣхъ или извѣстную часть гражданъ болѣе дѣятельными и болѣе полезными общественными единицами и т. д. Примѣняя это разсужденіе къ религіознымъ ученіямъ, мы можемъ позволить себѣ сомнѣніе въ равноцѣнности для государства религіозныхъ интересовъ людей, составляющихъ христіанскую церковь, и религіозныхъ интересовъ какой либо секты, проповѣдующей безнравственныя или изувѣрныя ученія. Прогрессу послѣднія навѣрное не способствуютъ не только сами по себѣ по ихъ содержанію, но даже и съ точки зрѣнія взаимной критики и борьбы, въ результатѣ которыхъ получался бы культурный прогрессъ, ибо отъ критики такія секты могутъ скрываться и отъ борьбы уклоняться, а между тѣмъ находятъ себѣ и послѣдователей, и пропагандистовъ. Масса населенія можетъ быть возмущена и ученіемъ и дѣйствіями сектантовъ, такимъ образомъ можетъ придти въ непримиримое столкновеніе интересъ одной группы гражданъ съ болѣе важнымъ интересомъ другихъ гражданъ, и ко-

торый же изъ нихъ долженъ быть взятъ государствомъ подъ свою защиту? По словамъ самого г. Познышева, защитой государства долженъ пользоваться послѣдній, а не первый. Стало быть и для требованія абсолютнаго равенства всѣхъ и всякихъ религіозныхъ міропониманій не оказывается достаточно—твердой почвы. Мало того, не оказывается достаточно твердой почвы и для попытокъ автора разграничить безнравственное или изувѣрное ученіе, какъ таковое, отъ безнравственныхъ или изувѣрныхъ актовъ, которые совершаются въ сообразность этому ученію? Если государство предоставитъ каждому вѣроученію равную свободу во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и свободу проводить въ жизнь свое этическое ученіе, устраивать и вести жизнь сообразно этому ученію, то какое же основаніе оно будетъ имѣть къ возбужденію преслѣдованія и къ карамъ напр. по отношенію къ скопцамъ за совершаемые ими акты оскопленія, совершаемые въ сообразность скопческому этическому ученію, которому самимъ же государствомъ предоставлена равная со всѣми другими вѣроученіями свобода проводить въ жизнь это ученіе, пропагандировать его, выражать въ формахъ культа и т. д?

Книга проф. Познышева написана очень хорошимъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ и обнаруживаетъ значительную эрудицію въ ея авторѣ. На нее можно смотрѣть, какъ на оригинальный вкладъ въ литературу русскаго уголовнаго права, и читается она съ интересомъ. Но не только можно, а и должно усомниться въ твердости положеній автора и въ вѣрности выводовъ, которые дѣлаются имъ изъ этихъ положеній. Въ особенности слѣдуетъ усумниться въ томъ, что выработанная имъ «система идеальныхъ нормъ» можетъ быть предложена «въ качествѣ проекта отечественному законодателю», и что она «отвѣчаетъ наличнымъ условіямъ современной русской жизни«.

Н. Суворовъ.